DOI: 10.31857/S013038640018260-4

© 2022 г. В.А. БАРМИН

БАСМАЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ СОВЕТСКОГО ТУРКЕСТАНА В ПЛАНАХ НЕКОТОРЫХ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ СИЛ (1918–1933 годы)

Бармин Валерий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор исторического факультета Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия).

E-mail: valbarmin@mail.ru

Researcher ID: AAJ-8556-2021

Аннотация. Общие сюжеты истории басмаческого движения, участники которого боролись против советской власти в Туркестане с 1918 г. и до второй половины 1930-х годов XX в., исследованы сравнительно полно. Но при этом в большей части публикаций, посвященных этой проблеме, акцент делается на анализе причин, определивших возникновение движения, характеристике его социальной базы, основных задачах и этапах. Значительно меньше внимание уделяется вопросам, раскрывающим конечные цели основных союзников басмачей в борьбе с большевизмом в Туркестане, и тому, какое место в достижении подобных целей отводилось этому движению. Между тем это актуальная и значимая проблема. Ставшие в последние годы доступными для исследователей источники свидетельствуют, что у всех основных участников антисоветского фронта в Туркестане имелись собственные планы в отношении будущего этого региона. Реализация этих планов предусматривала тесное сотрудничество с басмаческим движением и ставила перед ним вполне определенные задачи. Анализ этих задач в планах адмирала А.В. Колчака, правящих кругов Афганистана, эмира Бухары, светских и религиозных авторитетов мусульман китайской провинции Синьцзян позволяет, с одной стороны, уточнить отдельные детали истории движения, а с другой – по-новому взглянуть на целый ряд сюжетов Гражданской войны в Туркестане. Полученные факты дают, в частности, основание говорить, что в борьбе за реализацию своих планов участники схватки с большевизмом являлись одновременно яркими соперниками. Представляется, что, в случае победы над советской властью, новый этап противостояния развернулся бы между бывшими союзниками и движение басмачей было бы втянуто в эту борьбу.

Ключевые слова: басмаческое движение, А.В. Колчак, белое движение, вооруженные формирования, Афганистан, Бухара, Синьцзян, Гражданская война в СССР, Туркестан, внешняя политика, РСФСР, СССР.

V.A. Barmin

The Basmachi Movement in Soviet Turkestan in the Plans of Some Anti-Bolshevik Forces (1918–1933)

Valerii Barmin, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia).

E-mail: valbarmin@mail.ru

Researcher ID: AAJ-8556-2021

Abstract. The general themes of the history of the Basmachi movement, whose members fought against Soviet rule in Turkestan from 1918 until the second half of the 1930s, have been relatively well

researched. However, most publications on the issue focus on an analysis of the reasons for the emergence of the movement, a description of its social base, and its main objectives and phases. Considerably less attention is given to issues revealing the ultimate objectives of the key allies of the Basmachi in their struggle against Bolshevism in Turkestan, and the role that this movement played in achieving those objectives. However, sources that have become available to researchers in recent years indicate that all the key participants of the anti-Soviet movement in Turkestan had their own plans for the future of the region. The implementation of these plans envisaged close cooperation with the Basmachi movement and set well-defined objectives for it. An analysis of these objectives in the plans of Admiral Alexander Kolchak, the ruling circles of Afghanistan, the Emir of Bukhara, and the secular and religious authorities of the Muslim community of the Chinese province of Xinjiang allows one, on the one hand, to clarify certain details of the movement's history and, on the other, to take a fresh look at a whole series of episodes in the civil war in Turkistan. In particular, the evidence suggests that the participants in the battle against Bolshevism were both bitter rivals in the struggle to bring their plans to fruition. It would appear that in the event of the defeat of the Soviets, a new phase of confrontation would have developed among the former allies, and the Basmachi movement would have been drawn into that struggle.

Keywords: Basmachi movement, Kolchak, White movement, armed groups, Afghanistan, Bukhara, Xinjiang, civil war, Turkestan, foreign policy, RSFSR, USSR.

Особое место в новейшей истории бывших советских среднеазиатских республик занимает вопрос возникновения и деятельности басмаческого движения, его роли и места в общем фронте антисоветских сил. Историография басмаческого движения зародилась уже в 1920-е годы. При этом сразу обозначился дискуссионный характер этой проблемы, поскольку ее исследователи «придерживались различных, зачастую диаметрально противоположных точек зрения на причины и корни басмачества, его движущие силы, сущность и направленность»¹.

В современной историографии среднеазиатских республик, а отчасти и в работах российских историков, басмачество более не рассматривается как однозначно контрреволюционное движение, но все более приобретает окраску народного, отстаивавшего интересы национальной самобытности, исповедования своих религиозных убеждений и права на собственный путь развития. Такой точки зрения придерживаются узбекский исследователь К.К. Раджабов², авторы интересных работ по проблеме С.Ф. Нарбеков и Р.У. Норбекова³ и многие другие. Российские исследователи Л.Е. Бляхер и И.Ф. Ярулин вообще делают вывод, что басмачество «мифологизировано советскими властями»⁴. Не бесспорную, но имеющую много сторонников характеристику такому подходу дал в свое время крупнейший американский историк Чарлз Бирд. Он писал, что «истина истории — это истина данного времени, служащая его нуждам, пригодная только для него. Поскольку каждое время требует истории, написанной с его точки зрения, историю то и дело приходится переписывать»⁵.

В новых условиях встает вопрос относительно объективной характеристики басмаческого движения. Признание или отрицание факторов его контрреволюционности как

¹ Пылев А.И. Об идеологических течениях басмаческого движения в Средней Азии в начальный период (1918–1920 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2003. Сер. 2. Вып. 2. № 10. С. 29.

² Раджабов К.К. Вооруженное движение против советской власти в Туркестане (1918–1935 гг.) // Единство. Гражданственность. Патриотизм. Сборник научных трудов к 100-летию Республики Башкортостан. Уфа, 2019. С. 37.

³ Нарбеков С.Ф., Норбекова Р.У. Вооруженное восстание народов Туркестана против советского режима, его причины и последствия // Актуальные научные исследования в современном мире. 2017. № 1–4 (21). С. 34.

⁴ Бляхер Л.Е., Ярулин И.Ф. Кто такие басмачи? Советское мифотворчество и стигматизация Гражданской войны в Средней Азии // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2016. № 2. С. 119.

⁵ Цит. по: Hexter J.H. On historians: Reappraisals of the makers of modern history. Cambridge, 1979. P. 16–17.

основного элемента деятельности может найти подтверждение среди прочего в процессе исследования связей и совместных действий с белогвардейскими войсками, антисоветскими организациями и правящими кругами сопредельных стран, ибо именно они вели борьбу с большевистскими властями советского Туркестана. При этом автор не ставит перед собой задачи исследования элементов сотрудничества с басмачеством великих держав, поскольку эта тема, несмотря на довольно обширную отечественную и зарубежную историографию, требует дальнейшей самостоятельной разработки.

Наиболее распространенной точкой зрения относительно времени возникновения басмачества как военно-политического явления считаются события, связанные с разгромом Кокандской автономии. Активный участник рассматриваемых событий П.А. Кобозев, в тот период чрезвычайный комиссар ВЦИК и СНК РСФСР по Средней Азии и Западной Сибири, в очерке «Две автономии» писал, что судьба Кокандской автономии была решена, по сути, словесным указанием В.И. Ленина⁶. Развязку событий ускорила также полученная информация об установлении связей с автономистами командования оренбургского казачества и бухарского эмира. Было перехвачено письмо атамана А.И. Дутова, который просил представителя военной секции при правительстве автономного Туркестана прапорщика Заведеева «непосредственно снести со следующими через Туркестанский край строевыми частями Оренбургского казачьего войска по вопросу о временной передаче этими частями имеющегося у них оружия в распоряжение временного правительства автономного Туркестана». Атаман опасался, что эти части будут разоружены «войсками Совета народных комиссаров Туркестанского края». В это же время в Коканде получили согласие эмира Бухары «поддержать автономное правительство Туркестана»⁷.

В результате, уже в начале февраля 1918 г. автономия была разгромлена частями Красной гвардии, а 30 апреля 1918 г. на V Краевом съезде Советов была провозглашена Туркестанская Советская Республика (ТСР). Однако следствием безграмотных решений советских и партийных властей Москвы и ТСР в отношении национального вопроса, на которые «удачно» легли непродуманные хозяйственные и политические реформы новой власти⁸, стало появление быстро набравшего массовый характер движения сопротивления коренного населения региона. Наиболее радикальной формой этого сопротивления и стало басмачество. П.А. Кобозев посчитал необходимым подчеркнуть: «Пренебрежение коренными интересами малых иноплеменных окраин может привести, что уже имело место в Туркестане (курсив мой. — В.Б.), к сильному падению авторитета и престижа Советской власти вообще»⁹.

Фактом остается также то, что первые крупные басмаческие отряды, возглавляемые курбаши Иргашем, Мадамин-беком, Махкам-ходжой, Рахманкулом и другими, возникли в Ферганской долине и именно здесь они получили наиболее массовую и активную поддержку местного населения. Во многом это было связано с тем, что разгром Кокандской автономии советскими войсками сопровождался неоправданными репрессиями, мародерством и насилиями, которые затронули значительную часть трудового населения. Занявший позже должность командующего группировкой Красной армии

⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 133. Оп. 1. Д. 24. Л. 6.

⁷ Там же. Л. 22–23.

⁸ В частности, запрет торговли на базарах, монополизация и конфискация хлопка, разрушение привычного уклада жизни, антирелигиозная пропаганда, развернутая в грубых, оскорбительных для мусульман тонах и формах, и др. (см. *Бармин В.А.* О новых подходах к оценкам движущих сил и социальной базы басмаческого движения в Туркестане в 1918–1920 гг. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: «Социально-гуманитарные науки». 2019. Т. 19. № 1. С. 12).

⁹ РГАСПИ. Ф. 133. Оп. 1. Д. 24. Л. 3.

в Фергане М.В. Сафонов писал, что «результат получился двойной: во-первых, враждебность к Советской власти, и второе, озлобление против европейцев вообще»¹⁰.

Вместе с тем, признавая, что басмаческое движение с момента своего зарождения носило антисоветский характер, будет вполне справедливо говорить и о том, что оно являлось движением национальным. Это обстоятельство вольно или невольно подчеркнул в своей статье, опубликованной в органе ЦИК ТССР газете «Известия», секретарь ЦК КП(б) Туркестана И.Г. Сольц¹¹. Это же определение дается движению во многих архивных документах, освещающих действия советских властей по борьбе с басмачеством. «Особенность высокой мобилизационной активности идеологии национализма» населения, нашедшей проявление в многолетнем басмаческом движении, отмечают и современные российские историки¹². Указанное обстоятельство проявило себя в том, что в начале своей деятельности отряды басмачей состояли почти исключительно из представителей коренного населения региона. Однако уже к середине 1918 г. их национальный состав начал заметно меняться и приобретать черты своеобразной интернациональности. Это явилось следствием того, что в его ряды стали вливаться «русские офицеры, бывшие чиновники царской администрации в Туркестане и семиреченские казаки»¹³. В сообщениях разведорганов Красной армии появляются информации о присутствии в «шайках басмачей» представителей белогвардейских армий и зарубежных эмиссаров. Так, разведчики доносили, что Мадамин-бек «встречал с радостью... всякого человека, недовольного советской властью, независимо от национальной принадлежности и вероисповедания»¹⁴. Об этом же пишет участник событий в Хорезме В.П. Дубянский. Он отмечает, что басмачи «объединялись со всеми монархическими и белогвардейскими группами без различия национальностей»¹⁵. В результате вскоре оказалось, что «при Мадамин-беке находятся... около 100 человек европейцев. По мелким шайкам тоже есть европейцы в качестве инструкторов». Кроме того, Мадамин-бек, как и другие курбаши, начал устанавливать связи с антисоветскими организациями в соседних регионах. Судя по сообщениям разведсводок, эти связи были весьма активными, поскольку информации вроде: «К Мадамин-беку из Семиречья приехала делегация из 5 человек из коих 2-е русских и трое татар (киргиз)» — обретают систематический характер. В это же время появляются первые сведения о поставках из-за рубежа оружия. Советскому командованию докладывают, что «в шайках стали появляться персы, которые... доставляют оружие»¹⁶.

Необходимость поиска союзников в развернувшейся борьбе для лидеров движения определялась среди прочего тем обстоятельством, что, осознавая национальный характер этой борьбы, понимая ее целеустановки, они в то же время не имели для достижения этих целей ни собственных сил, ни средств, ни возможностей. Эти факторы вынуждали их к сотрудничеству с белогвардейцами, правящими кругами сопредельных стран и великих держав. И те, и другие, и третьи вполне отвечали, по мнению курбаши, роли временных попутчиков, поскольку, с одной стороны, имели общего с басмачами врага, а с другой — обладали необходимыми для этой борьбы ресурсами.

Серьезный приток белогвардейского элемента в отряды басмачей начал идти с зимы 1918–1919 гг. после разгрома ряда действовавших в Туркестане подпольных белогвардейских и антисоветских организаций. В январе, после неудачной попытки мятежа,

¹⁰ Там же. Ф. 71. П. 34. Д. 1585. Л. 76.

¹¹ Там же. Д. 1527. Л. 97.

¹² *Лысенко Ю.А., Бармин В.А., Анисимова И.В. и др.* Этнополитические процессы в Центрально-азиатских окраинах России в период революций 1917 г. Барнаул, 2017. С. 231.

¹³ *Бармин В.А.* О новых подходах... С. 13.

¹⁴ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 149. Оп. 1. Д. 108. Л. 163–164.

¹⁵ Там же. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1438. Л. 14 об.

¹⁶ Там же. Д. 1585. Л. 1, 2.

в Ташкенте была разгромлена антисоветская организация во главе с военкомом Туркестанской республики К.П. Осиповым. После подавления мятежа Осипов с группой своих соратников примкнул к Мадамин-беку. Штаб частей Красной армии, действовавших в районе Андижана, сообщал в своем рапорте от 8 апреля 1919 г., что в завершившихся боях шайка басмачей действовала «под командованием Осипова»¹⁷.

В это же время была ликвидирована еще одна крупная антисоветская организация под названием «Туркестанская военная организация». Она отличалась тем, что в ней состояло большое количество офицеров бывшей царской армии. В число руководителей организации входил, например, штабс-капитан П.Г. Корнилов — младший брат генерала Л.Г. Корнилова, а общее руководство осуществлял бывший помощник генерал-губернатора Туркестана генерал-майор Е.П. Джунковский. После разгрома «ТВО» оставшиеся на свободе участники организации, как и «осиповцы», оказались в отрядах басмачей. Обе разгромленные организации имели связи с Сибирским правительством и атаманом Дутовым. Теперь эти связи стали работать на выстраивание контактов белогвардейцев с басмачами.

В феврале 1919 г. приказом РВС Туркестанской Советской Республики для борьбы с басмачеством был образован Ферганский фронт. Однако решить поставленную задачу его командование было не в состоянии. Численный состав подразделений нового фронта не превышал 1500 человек. При этом сами части имели слабую боевую подготовку и были плохо вооружены.

В это же время лидеры басмаческого движения предприняли ряд мер, направленных на консолидацию и согласованность действий их отрядов. В конце августа 1919 г. в Джелал-Абаде, а в октябре в селении Иркештам (Памир) было проведено два курултая (совещания), на которые прибыли наиболее видные курбаши. Особый интерес в этой связи представляет то, что оба курултая проходили при участии миссии, направленной штабом адмирала Колчака и представителей Афганистана. Это свидетельствовало о попытках формирования единого антисоветского фронта на просторах Средней Азии и Сибири, а также о том, что басмаческое движение стало занимать серьезное место в планах Омского правительства и окружения эмира Афганистана.

О том, что фактор басмачества привлекал все большее внимание Колчака и командующих его армий, говорили их настойчивые попытки наладить практическое взаимодействие с курбаши крупных отрядов. Именно для этого ставка Колчака «приступила к спешному формированию особых военных миссий в Хиву, Бухару и Фергану с целью реорганизации местных вооруженных сил и подготовки совместных действий против Советского Туркестана». Кроме того, от командующего Южной армией генерала Белова потребовали «установить контакты с хивинскими басмачами Джунаид-Хана»¹⁸.

Вполне очевидно, что многотысячная и относительно организованная армия басмачей рассматривалась и в Омске, и в штабах армий как серьезная сила, способная оказать белогвардейским соединениям реальную помощь в борьбе с Красной армией. Командующий ферганской группировкой Красной армии М.В. Сафонов сообщал, что в этот период «в ряды басмачей влился поток видных туркестанских белогвардейцев, особенно усилившийся после вытеснения Осипова из Ташкента», и что «с этого момента ферганское басмачество связывается с Сибирью и Бухарой». При этом Сафонов отмечал факт охотного встречного движения части басмаческих курбаши к союзу с белогвардейцами. Он указывает, что Мадамин не только «поддерживает связь с Колчаком и асхабадцами», но и «именует себя “командующим туркестанскими войсками белой гвардии”, заигрывает с русским крестьянством,

¹⁷ Из истории гражданской войны в СССР. Документы и материалы. Иностранная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Т. 1. Май 1918 — сентябрь 1919 г. Алма-Ата, 1963. С. 473.

¹⁸ *Тимашков С.* Разгром южной армии Колчака. Август—сентябрь 1919 г. // Военно-исторический журнал. 1940. № 3. С. 38.

действует совместно с Осиповым и его белогвардейской сворой... агитирует за создание на выборных началах «автономного временного правительства» (курсив мой. — В.Б.) из мусульман и европейцев»¹⁹. Газета «Известия» в это же время писала, что «басмачи открыто проповедают и осуществляют союз с истинно русской белогвардейщиной»²⁰.

Однако на деле процесс выстраивания сотрудничества сторон оказался достаточно сложным. Оказалось, что не все крупные курбаши были согласны с созданием единого антисоветского фронта с белогвардейцами. Так, один из первых организаторов басмаческого движения в Фергане и командующий объединением нескольких крупных отрядов Иргаш был настроен против такого союза. Несмотря на то что атаман А.И. Дутов присвоил ему звание сотника и величал его в личном послании «хранителем интересов России в Фергане»²¹, Иргаш ориентировался на Бухарский эмират и выступал сторонником газавата — священной войны против неверных. Такая позиция не только исключала вариант тесного взаимодействия с белогвардейцами, но делала его врагом Мадамин-бека, поскольку последний стал рассматривать Иргаша «как помеху интернациональному белогвардейскому объединению»²². В конечном счете, различие в политических позициях двух крупнейших лидеров басмаческого движения в Фергане привело к серьезным военным столкновениям.

Кроме того, немалые сложности в процессе поисков контактов создавали разные подходы сторон в отношении будущего Туркестана. Известно, что у самого адмирала Колчака и большей части членов его правительства основной идейной установкой было воссоздание России как государства «единого и неделимого». Но такая позиция воспринималась национальниками меньшинствами, в том числе, разумеется, и в среде басмачества, и у их наставников, сторонников идеи пантюркизма, как великодержавный русский шовинизм. О значимости этого вопроса говорит то, что даже в ситуации, когда в самой колчаковской армии с сентября 1919 г. начали формировать добровольческие мусульманские дружины Зеленого знамени и полки Магомета, Центральное национальное управление мусульман не смогло добиться от Омского правительства твердого обещания о признании национально-культурной автономии мусульман и «гарантии свободного культурного и духовного развития в будущем»²³. Как писал Н. Верт, «лозунг... “Россия будет великой, единой, неделимой” не оставлял никакой надежды иноверцам, стремящимся к автономии и независимости»²⁴.

Попытки встраивания басмаческого движения в свои планы колчаковцы продолжали на протяжении всего периода деятельности Омского правительства, вплоть до его падения и разгрома Красной армией вооруженных сил белогвардейцев. Однако представляются преувеличением заявления многих советских и отчасти российских историков о масштабности и значении помощи белогвардейцев басмаческому движению. Имеющиеся в нашем распоряжении источники не содержат данных о поставках белогвардейцами басмачам значительных партий оружия или проведении совместных боевых операций. Нет также серьезных оснований говорить, что существовавшие контакты дали весомый результат в военной деятельности самих басмачей. Войска Южной армии и другие соединения белых сами испытывали нужду в оружии и боеприпасах. Известно, что в августе 1919 г. части 1-го Оренбургского казачьего корпуса перерезали ташкентскую железную дорогу и дошли до станции «Аральское море». Вполне возможно, что при благоприятном развитии событий они могли бы в дальнейшем наступлении на

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1585. Л. 78, 79.

²⁰ Там же. Д. 1527. Л. 101.

²¹ Цит. по: *Алескеров Ю.Н.* Интервенция и Гражданская война в Средней Азии. Ташкент, 1959. С. 31.

²² РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1585. Л. 79.

²³ *Наумова Н.И.* Организация отрядов Зеленого знамени в Сибири // Сибирь в период Гражданской войны. Материалы международной научной конференции. Кемерово, 2007. С. 109.

²⁴ *Верт Н.* История советского государства. 1900–1991. М., 1994. С. 146.

Ташкент найти поддержку у басмачей. Однако отсутствие боеприпасов, продовольствия и множество больных при несогласованности действий командования и ожесточенном сопротивлении Красной армии остановили это наступление²⁵.

Следует отметить определенную роль довольно многочисленной группы офицеров бывшей царской армии, которые выполняли в басмаческих отрядах роль военных инструкторов. В то же время направленные в эти отряды офицеры колчаковских войск в силу своей малочисленности не сыграли какой-либо заметной роли в их деятельности. Сведения о результативности их работы практически не отложились в архивных источниках. Очевидным фактом является только то, что басмачи оттягивали на себя значительные силы и ресурсы Красной армии, облегчая тем самым положение белогвардейских войск.

В целом причины неудач предпринимавшихся командованием белогвардейских армий адмирала А.В. Колчака попыток активного использования басмаческого движения в своих планах объясняются, помимо отмеченных, несколькими объективными факторами. Во-первых, белогвардейцам так и не удалось установить свой контроль над значительной частью территории Туркестана, за исключением Семиречья и региона Закаспийской области. При этом в 1918–1920 гг., т.е. в период активной фазы Гражданской войны, эпицентром басмаческого движения являлась Фергана. Это обстоятельство затрудняло возможности прямых связей белогвардейских армий и басмаческих отрядов и, тем более, проведение совместных боевых операций. Как правило, документы, свидетельствующие о контактах с басмачами представителей ставки Колчака или эмиссаров штабов его армий, сообщают об обсуждении перспектив взаимодействия. По сути, это — своеобразные соглашения о намерениях. При этом абсолютно большая часть намеченных прожектов и планов остались на бумаге.

Во-вторых, сам период военных успехов колчаковских войск был относительно кратким, и к осени 1919 г. белогвардейские армии начали под ударами Красной армии поспешно отступать на восток. В то же время образованный 19 августа 1919 г. Туркестанский фронт, укомплектованный хорошо вооруженными, имевшими боевой опыт частями, быстро переломил ситуацию в борьбе с басмачеством. Уже к началу 1920 г. были разгромлены отряды курбаши Иргаша, Крестьянская армия К.И. Монстрова, после нескольких поражений сдался Мадамин-бек²⁶. В этой ситуации вопрос взаимодействия командования белогвардейских армий адмирала А.В. Колчака с басмаческим движением потерял практическое содержание.

Более результативные виды взаимодействия с басмаческим движением Туркестана удалось реализовать правящим кругам и правительствам некоторых сопредельных стран. Прежде всего здесь речь может идти об Афганистане, Бухаре и кругах светских и духовных авторитетов мусульманского населения китайской провинции Синьцзян. Тесные контакты и взаимодействие с басмаческим движением этих государств и заинтересованных политических сил объяснялись этническим родством, конфессиональным единством и традиционным характером многосторонних связей, населявших приграничные регионы народов.

Уже в первые месяцы деятельности басмачества его лидеры начали уделять внимание созданию идеологической базы движения. Известно, что идеология басмачества строилась на религиозных догматах, националистических лозунгах, постулатах панисламизма и пантюркизма. Задача идеологической работы с басмачами лежала на местных имамах, но довольно скоро на помощь к ним стали приходить их заграничные «коллеги»

²⁵ Ганин А.В. Южная армия Восточного фронта // Тезисы 4-й научной конференции «Сибирь в период Гражданской войны». Кемерово, 2001. С. 95.

²⁶ Более подробно о Крестьянской армии К.И. Монстрова и ходе борьбы с басмачеством в 1919–1920 гг. см.: Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. М., 1981.

из духовных центров Афганистана, Ирана, Бухары. И если раньше информаторы сообщали, что «в горы к киргизам отправлены агитаторы-муллы, с целью привлечь к себе киргизское население и уже часть киргиз присоединяется», то теперь они ставили свое руководство в известность, что «к Мадамину приехали 3 персидских муллы для влияния на население как сартовского, так и персов»²⁷.

В деле создания идеологической базы басмачества деятельное участие принимали пантюркисты. Их призывы к построению единого мусульманского государства совпадали с идеями правящих кругов Афганистана, Турции, авторитетов мусульманского населения Синьцзяна. Так, лидер алашардынцев Мустафа Чокаев в своих прокламациях и статьях призывал к созданию единой Турецкой Федеративной Республики. «Да, мы — туркмены, узбеки, казахи, киргизы, башкиры, татары, — писал он, — все являемся одной турецкой семьей»²⁸. Идею создания единого мусульманского государства активно пропагандировали, в том числе в рядах басмачей, пантюркисты, проживающие в соседнем Синьцзяне. Агенты Коминтерна сообщали, что влиятельной силой в Синьцзяне является панисламистская группировка, «объединяющая представителей торговой буржуазии, феодальной аристократии и фанатичного духовенства», и что она мечтает о создании «единого государства под флагом ислама»²⁹.

Иллюстрацией того, что работа панисламистов и пантюркистов давала эффект, служит обращение в политотдел 2-й туркестанской дивизии одного из командиров частей Красной армии. Он просил: «Посылать хотя бы один раз в неделю агитатора для устройства митинга и собеседования на туземном языке, что устранил случаи дезертирства»³⁰. Надо иметь в виду, что значительная часть дезертиров уходила с оружием в отряды басмачей.

В числе первых и наиболее активных иностранных союзников басмаческого движения в советском Туркестане выступили власти Афганистана. Уже в 1918 г. в отрядах басмачей стали появляться афганские офицеры, следом из Кабула начали поступать крупные партии оружия, а к периоду наивысшего подъема движения в некоторых отрядах басмачей воевали целые подразделения афганской армии³¹. Эту помощь эмир Афганистана Хабибулла-хан и его окружение развернули под лозунгом поддержки единоверцев в борьбе с Советами. После гибели в феврале 1919 г. Хабибуллы-хана его сын Аманулла-хан, несмотря на определенные шаги, направленные на сближение с Россией, во многом продолжил эту политику. Сообщения об участии офицеров и солдат афганской армии в боях на стороне «басмаческих шаек» приобрели регулярный характер. В своем обзоре о басмаческом движении за сентябрь 1919 г. штаб Туркфронта отмечал, что в отряде басмачей, прибывшем из Андхоя (Афганистан), «находилось около 60 афганцев». Здесь же сообщалось о поступившей из Афганистана для поддержки басмачей крупной партии продовольствия и фуража, которая была доставлена «караваном из 400 верблюдов»³². После поражений в ходе боевых столкновений с частями Красной армии басмачи уходили на территорию Афганистана. В приведенном выше обзоре говорится, что после разгрома «басмаческие шайки отступали... и их преследование продолжалось до Афганской границы, откуда они направление взяли на Андхой»³³. Приграничные с Туркестаном районы Афганистана превратились в это время в своеобразную тыловую базу басмачей.

Помощь афганских эмиров и их окружения басмачам носила откровенно корыстный характер. Это было очевидным в политике Хабибуллы-хана и еще более откровенным стало в действиях Амануллы-хана. Последний вполне серьезно рассматривал возможность

²⁷ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1585. Л. 1, 2.

²⁸ Цит. по: *Аршаруни А.* Кризис Тюркской идеологии // *Новый Восток.* 1928. № 22. С. 251.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 181. Л. 16.

³⁰ РГВА. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 289. Л. 40.

³¹ *Равич Н.А.* Молодость века. М., 1960. С. 69.

³² РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1527. Л. 121.

³³ Там же. Л. 115.

установления своего контроля над большей частью Туркестана. Так что лозунг «помощи единоверцам» играл роль идеологического прикрытия далеко идущих планов по аннексии значительной части сопредельных территорий. В переговорах с полномочным представителем РСФСР в Афганистане Я.З. Сурицем Аманулла, спекулируя на своей борьбе с Англией, заявил: «Твердо веря в полную возможность объединения всех азиатских мусульман вокруг Афганистана, я думаю, что Советская Россия ради укрепления моих сил для будущей борьбы с Англией легко могла бы уступить мне только под протекторат Закаспийскую область, Хиву, Бухару и Фергану»³⁴. Панисламизм Аманулла-хана наглядно проявлялся в его проектах создания центральноазиатской конфедерации «в составе бывшего Хивинского и Кокандского ханств, Бухарского эмирата и самого Афганистана». Мадамин-беку его афганские советники предлагали «обратиться к Аманулла-хану с просьбой принять Туркестан “под покровительство Афганистана”, за что обещали 500 винтовок и 1,8 млн патронов к ним»³⁵. Народный комиссар по иностранным делам Г.В. Чичерин обращал внимание руководства страны на большую опасность, которую представляли попытки реакционных сил Афганистана «оказать поддержку контрреволюционным элементам Средней Азии»³⁶.

Укрепление советской власти в Туркестане после завершения активной фазы Гражданской войны, разгром и ликвидация Бухарского эмирата и Хивинского ханства, снижение активности басмаческого движения нанесли по планам Кабула ощутимый удар. Однако афганские власти от них не отказались окончательно. Поэтому поддержка басмаческого движения Афганистаном продолжалась с разной степенью активности до второй половины 1930-х годов.

Отдельное и весьма значимое место басмаческое движение занимало в планах бухарского эмира. При этом перед басмачеством здесь ставились разные задачи в период пребывания эмира на престоле и после краха эмирата под ударами Красной армии. После Октябрьской революции 1917 г. эмир Сейид Алим-хан заявил о полном суверенитете эмирата и аннулировании договора 28 сентября 1873 г., определявшего над ним протекторат России. Советское правительство признало суверенитет Бухары. Но уже весной 1918 г. руководство ТССР, откликаясь на призывы младобухарцев, предприняло авантюрную военную операцию с целью свержения Сейид Алим-хана. Операция закончилась провалом, привела к большим потерям и сильно ухудшила отношение Бухары к властям Туркестана. Эмир начал предпринимать активные шаги к установлению союзных отношений с Афганистаном и Хивинским ханством, приступил к укреплению своей армии. Бухара превратилась в это время в плацдарм антисоветских и контрреволюционных сил. Сюда бежали члены разгромленных антисоветских организаций и потерпевшие поражение басмачи. Вместе с тем и сам эмир, и его правительство, опасаясь нового военного столкновения с Советской Россией, вели себя весьма осмотрительно. Так, когда в Бухару прибыла делегация от нескольких басмаческих курбаши, в том числе таких влиятельных, как Иргаш, с предложением объявить советской власти газават, эмир многозначительно ответил: «Еще не время». Но тут же предложил «помощь оружием и людьми, которых (до 3-х тыс. человек) добровольцы-офицеры обучают военному делу в Картегине»³⁷. Помогая басмачам, Сейид Алим-хан надеялся на то, что, отвлекая значительную часть армии на борьбу с этим движением, советские власти не найдут в ближайшее время достаточных сил и резервов для нападения на Бухару. При этом он избегал огласки своих связей с басмачами. Но эмир недооценил масштабы стратегических планов

³⁴ Там же. Д. 1483. Л. 6.

³⁵ Оба фрагмента цит. по: *Бойко В.С.* Власть и оппозиция в Афганистане: особенности политической борьбы в 1919–1953 гг. М.; Барнаул, 2010. С. 41, 42.

³⁶ Цит. по: *Хейфец А.Н.* Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы Гражданской войны (1918–1920). М., 1964. С. 77.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1585. Л. 78.

советского руководства и его возможностей. Бухара была обречена уже потому, что стояла на пути планов большевиков по развитию революционного движения на Восток. 2 сентября 1920 г. части Красной армии в ходе трехдневного штурма овладели Бухарой, и Сейид Алим-хану пришлось бежать.

Разгром Бухарского эмирата вызвал новую волну активизации басмаческого движения, центр которого сместился из районов Ферганы на территорию Восточной Бухары. Теперь Сейид Алим-хан рассматривал движение, которое возглавил его бывший чиновник Ибрагим-бек, как важнейший инструмент возвращения утраченного трона. Следует учитывать, что эмир все еще располагал весьма значительными финансовыми возможностями, поскольку сумел при побеге из Бухары вывезти свою казну. В это же время существенно возросла помощь басмачеству со стороны Афганистана. Это стало следствием того, что разгром Бухарского эмирата и создание Бухарской Народной Советской Республики (БНСР) означали крах планов Кабула, предусматривавших установление протектората над эмиратом и создание центральноазиатской конфедерации. В отрядах Ибрагим-бека оказалось много афганских и турецких офицеров. Многие из них служили в качестве инструкторов в армии Бухары до ее падения. Регулярный характер приобрели поставки из Афганистана оружия и боеприпасов.

С конца 1921 г. басмаческое движение на территории БНСР возглавил бывший крупный государственный деятель Турции и политический авантюрист, объявленный на своей родине государственным преступником, Исмаил Энвер-паша. Программа борьбы Энвер-паши строилась на прежних пантюркистских лозунгах строительства единого мусульманского государства. Новый лидер, как и его предшественник, находился в полной зависимости от Сейид Алим-хана и от поддержки правящих кругов Афганистана. Именно от них в течение 1922 г. он получал основную помощь людьми и оружием. Периодически в его отряды вливались целые подразделения афганской армии³⁸. Используя эту поддержку, Энвер-паше удалось в первой половине 1922 г. добиться в боях с разрозненными частями Красной армии заметных успехов. Однако уже к середине 1922 г. его отряды были разбиты, а сам он 4 августа убит при попытке пересечь афганскую границу. Тем не менее басмаческое движение в Восточной Бухаре в меньших масштабах продолжало действовать до второй половины 1930-х годов. Совершенно очевидно, что решающую роль в вопросе долговечности движения, наряду с некоторыми другими факторами, играла оказываемая ему поддержка со стороны афганских правящих кругов. Так, курбаши Ибрагим-бек, имевший постоянную базу своих отрядов в Афганистане, даже в начале 1930-х годов не только совершал оттуда постоянные рейды на советскую территорию, но и активно участвовал во внутривнутриполитической борьбе в самом Афганистане, выступая на стороне различных противоборствующих группировок. О сложности борьбы с басмачеством в этом регионе говорит тот факт, что советским подразделениям приходилось в некоторых случаях вести боевые действия даже на территории самого Афганистана. Тот же Ибрагим-бек был ликвидирован в 1931 г. именно на территории Афганистана.

Тем не менее к началу 1930-х годов основная фаза борьбы с басмачеством на территории теперь уже среднеазиатских советских республик была завершена. Бывший эмир Бухары Сейид Алим-хан, перебравшийся в Афганистан еще в 1922 г., продолжал поддерживать движение, но к началу 1930-х годов его возможности в этом отношении сильно сократились. Это объяснялось и потерей части имевшихся средств, и падением влияния на бывших подданных эмирата.

Таким образом, фактор басмачества, занимавший в планах Кабула и бухарского эмира весьма значимое место, в силу различных причин не принес афганским верхам тех выгод, на которые они рассчитывали. Во-первых, эти планы не учитывали велений

³⁸ Более подробно см.: *Ганковский Ю.* Энвер-паша среди басмачей // *Азия и Африка сегодня.* 1994. № 5. С. 59–61.

времени, стремлений и надежд народов, населявших земли Туркестана. А во-вторых, руководство советского Туркестана сумело в ожесточенной борьбе с контрреволюцией удержать власть и при всех ошибках и просчетах в решении национального вопроса найти формы и методы работы с коренным населением региона, лишившие басмачество его социальной базы.

Заметную роль в планах налаживания взаимодействия лидеров белогвардейского движения с басмачеством Туркестана сыграла граничащая с этим регионом крупнейшая китайская провинция – Синьцзян. Этническое родство и конфессиональное единство народов сопредельных территорий определяли их родственные и духовные связи. С началом Гражданской войны в России губернатор провинции Ян Цзэнсинь объявил о нейтралитете по отношению к противоборствующим сторонам и закрыл границу. Но на деле эмиссары атамана И.А. Дутова, Б.В. Анненкова, ряда других частей установили с провинцией тесные связи. Они не только закупали здесь необходимые им товары, но и комплектовали из рядов местного населения «целые подразделения»³⁹.

Авторитетные мусульманские деятели, представители богатого мусульманского купечества, перебравшиеся в Синьцзян после Октябрьской революции бывшие офицеры царской армии уже в 1918 г. начали оказывать действовавшим в Туркестане антисоветским силам существенную помощь. С начала 1919 г. в сообщениях работавших в провинции разведчиков все чаще появляются сведения об активизации контактов представителей белогвардейцев, купечества, дипломатов российских консульств с басмачами. Так, 4 января 1919 г. один из агентов сообщал, что «в русском консульстве в Кашгаре во главе с [консулом] Успенским было белогвардейское заседание по вопросу снабжения русских офицеров оружием и другими запасами, которые готовятся к выступлению. На собрании участвовало пять русских офицеров и несколько русскоподданных купцов, где было постановлено собрать для нужд этой банды сто пятьдесят тысяч рублей, на что буржуазия согласилась и обещалась помогать. План организовавшейся банды был занять Иркештам, где надеялись увеличить свою силу, а также и беспрепятственно добраться до банд Хал-Ходжи, Иргаша и присоединиться совместно с ними к Осипову и действовать»⁴⁰. В свою очередь сами басмачи искали контактов с белогвардейцами в Синьцзяне. Этот факт отмечали в своих выступлениях и статьях партийные руководители Туркестанской республики. Упомянувшийся выше И.Г. Сольц писал в статье «К борьбе с басмачеством», что на очередном совещании курбаши «его участники договорились “вступить в связь с русскими белогвардейцами Семиречья и Зап[адного] Китая”»⁴¹.

В начале 1920 г., после разгрома основных сил Колчака, на территорию Синьцзяна перешли и были здесь интернированы остатки частей Оренбургского казачьего войска под командованием атамана А.И. Дутова, стрелкового корпуса генерала А.С. Бакича и Семиреченской армии атамана Б.В. Анненкова⁴². Оказавшись на территории провинции, руководители русской военной эмиграции «начали предпринимать энергичные меры к восстановлению порядка в потрепанных частях и готовить их к новым сражениям»⁴³. Руководство как у старшего по званию оказалось в руках генерал-лейтенанта А.И. Дутова. Большие надежды в своих планах борьбы с советской властью атаман связывал с басмаческим движением в советском Туркестане. С этой целью он восстановил

³⁹ Бармин В.А. Об особенностях деятельности разведки белогвардейской армии А.В. Колчака в Синьцзяне в 1919–1920 гг. // VIII Востоковедческие чтения памяти С.Г. Лившица. Материалы международной научно-практической конференции. Барнаул, 2020. С. 45.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1585. Л. 49.

⁴¹ Там же. Д. 1527. Л. 100 об.

⁴² Более подробно о белой эмиграции в Синьцзяне см.: Наземцева Е.Н. Русская эмиграция в Синьцзяне (1920–1930-е гг.). Барнаул, 2010.

⁴³ Бармин В.А. Советский Союз и Синьцзян (Региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул, 1998. С. 44–45.

ранее имевшиеся контакты с курбаши Иргашем. Предлагая Иргашу объединить усилия в борьбе с советами, атаман писал: «Теперь я жду только случая ударить на Джаркент. Для этого нужна связь с Вами и общность действий»⁴⁴. В Ташкенте хорошо знали о планах совместной деятельности белогвардейцев Синьцзяна и басмачей. Знали поименно тех курбаши, которые проявляли в этом отношении особенную активность. Так, в одном из сообщений отмечается, что курбаши отряда «Парпи в отличие от Курширмата определенно ориентируется в сторону союза с русскими кулаками и белогвардейцами. В его штабе находятся русские офицеры, он несомненно ищет, если уже не установил, связь с Дутовым, Анненковым и прочими обломками... контрреволюции, находящимися в Западном Китае»⁴⁵.

Однако в феврале 1921 г. атаман Дутов в ходе операции семиреченских чекистов был убит. В мае–июне и в сентябре 1921 г. в ходе двух операций вошедшие на территорию провинции советские войска разгромили части генерала Бакича. Атаман Анненков после конфликта с китайской администрацией оказался в тюрьме. В результате планы белогвардейских лидеров в Синьцзяне были сорваны.

Но связи басмачей с видными мусульманскими деятелями в провинции после разгрома организованной белогвардейской эмиграции имели активное продолжение. В течение 1920-х годов отряды басмачей, пользуясь тем, что граница охранялась слабо, пересекали ее относительно свободно. В Синьцзяне они получали продовольствие, коней и отдыхали. Этот процесс активизировался в условиях начавшейся в советских республиках Средней Азии коллективизации. Многие кочевники, потеряв в ходе коллективизации свое имущество, пополняли басмаческие отряды.

В апреле 1931 г. в Синьцзяне вспыхнуло восстание мусульманского населения против колониальной администрации провинции. Скоро к отрядам повстанцев, выступавшим под зелеными знаменами ислама, стали присоединяться перешедшие из Туркестана отряды басмачей. Уже к концу 1931 г. в их рядах воевали басмачи таких известных курбаши, как Саты Волды и Джаныбек. О своем желании присоединиться к борьбе единоверцев заявили бывший лидер ферганского басмачества Курширмат и ряд других известных курбаши, проживавших в Афганистане и Турции. Некоторые руководители басмаческих отрядов оказались в числе военачальников повстанческого движения. Полпред ОГПУ по Средней Азии Р.А. Пиляр в справке для Средазбюро ВКП(б) с тревогой отмечал, что участие в повстанческом движении Синьцзяна туркестанских басмачей может «привести в ближайшее время к активизации деятельности национальных контрреволюционных элементов и басмачества путем организации басмаческих налётов на нашу территорию со стороны Кашгара, а наличие связей эмиграции с нашей территорией усиливает эмиграционные настроения и создаёт базу для пополнения басмгруппировок»⁴⁶.

Повстанческое движение коренного населения Синьцзяна в 1934 г. было подавлено китайскими властями при активной, в том числе и военной, помощи Советского Союза. Среди мотивов, определивших такую позицию Москвы, серьезное место занимала проблема борьбы с басмаческим движением.

Планы командования белогвардейских армий адмирала А.В. Колчака и правящих кругов некоторых сопредельных с советским Туркестаном государств, предусматривавшие налаживание тесного сотрудничества и взаимодействия с басмаческим движением в борьбе с советской властью, в конечном счете не были осуществлены. Основная причина этого заключалась в том, что все они являлись частью общей стратегии борьбы с советским правительством России, а эта борьба закончилась крахом белогвардейского движения и планов поддерживавших его сил. Очевидно также, что все участники борьбы с советской властью в Туркестане решали собственные задачи и пытались использовать

⁴⁴ Цит. по: *Голинков Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1975. С. 526.

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1527. Л. 100.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 3037. Л. 59–68.

движение басмачей для их реализации. В случае гипотетической победы над большевизмом это обстоятельство определяло неизбежность дальнейшей борьбы между ними. В свою очередь басмаческое движение, будучи по своему характеру национальным, направленным на борьбу за независимый путь развития местных народов, в силу объективных причин оказалось заложником в политической игре своих союзников, преследовавших совершенно иные цели.

Библиография

- Алескеров Ю.Н.* Интервенция и Гражданская война в Средней Азии. Ташкент, 1959.
- Анисимова И.В., Бармин В.А., Бочкарева И.Б., Лысенко Ю.А. и др.* Политика России и Китая в Центральной Азии во второй половине XIX – начале XXI в. Барнаул, 2014.
- Аршаруни А.* Кризис Тюркской идеологии // Новый Восток. 1928. № 22. С. 249–258.
- Бармин В.А.* О новых подходах к оценкам движущих сил и социальной базы басмаческого движения в Туркестане в 1918–1920 гг. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: «Социально-гуманитарные науки». 2019. Т. 19. № 1. С. 12–15.
- Бармин В.А.* Советский Союз и Синьцзян (Региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул, 1998.
- Бармин В.А.* Об особенностях деятельности разведки белогвардейской армии А.В. Колчака в Синьцзяне в 1919–1920 гг. // VIII Востоковедческие чтения памяти С.Г. Лившица. Материалы международной научно-практической конференции. Барнаул, 2020. С. 43–47.
- Бляхер Л.Е., Ярулин И.Ф.* Кто такие басмачи? Советское мифотворчество и стигматизация Гражданской войны в Средней Азии // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2016. № 2 (81). С. 109–123.
- Бойко В.С.* Власть и оппозиция в Афганистане: особенности политической борьбы в 1919–1953 гг. М.; Барнаул, 2010.
- Верт Н.* История советского государства. 1900–1991. М., 1994.
- Ганковский Ю.* Энвер-паша среди басмачей // Азия и Африка сегодня. 1994. № 5. С. 59–61.
- Голинков Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1975.
- Зевелев А.И.* Из истории Гражданской войны в Узбекистане. Ташкент, 1959.
- Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И.* Басмачество: возникновение, сущность, крах. М., 1981.
- Из истории гражданской войны в СССР. Документы и материалы. Иностранная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Т. 1. Алма-Ата, 1963.
- Лысенко Ю.А., Бармин В.А., Анисимова И.В. и др.* Этнополитические процессы в Центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. Барнаул, 2017.
- Наземцева Е.Н.* Русская эмиграция в Синьцзяне (1920–1930-е гг.). Барнаул, 2010.
- Наумова Н.И.* Организация отрядов зеленого знамени в Сибири // Сибирь в период Гражданской войны. Материалы международной научной конференции. Кемерово, 2007. С. 107–110.
- Нарбеков С.Ф., Норбекова Р.У.* Вооруженное восстание народов Туркестана против советского режима, его причины и последствия // Актуальные научные исследования в современном мире. № 1–4 (21). 2017. С. 34–40.
- Пылев А.И.* Об идеологических течениях басмаческого движения в Средней Азии в начальный период (1918–1920 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2003. Сер. 2. Вып. 2. № 10. С. 29–33.
- Равич Н.А.* Молодость века. М., 1960.
- Раджабов К.К.* Вооруженное движение против советской власти в Туркестане (1918–1935 гг.) // Единство. Гражданственность. Патриотизм. Сборник научных трудов к 100-летию Республики Башкортостан. Уфа, 2019. С. 27–31.
- Тимашков С.* Разгром южной армии Колчака. Август–сентябрь 1919 г. // Военно-исторический журнал. 1940. № 3. С. 33–56.
- М.В. Фрунзе на фронтах гражданской войны: сборник документов. М., 1941.
- Hexter J.H.* On historians: Reappraisals of the makers of modern history. Cambridge, 1979.

References

- Aleskerov Yu.N.* Interventsiya i Grazhdanskaya voyna v Sredney Azii [Intervention and Civil War in Central Asia]. Tashkent, 1959. (In Russ.)
- Anisimova I.V., Barmin V.A., Bochkareva I.B., Lysenko Yu.A. i dr.* Politika Rossii i Kitaya v Tsentral'noy Azii vo vtoroy polovine XIX – nachale XXI v. [Policy of Russia and China in Central Asia in the second half of the 19th – early 21st century]. Barnaul, 2014. (In Russ.)
- Arsharuni A.* Krizis Tyurkskoy ideologii // Novyy Vostok [Crisis of Türkic ideology] // New East. 1928. № 22. S. 249–258. (In Russ.)

Barmin V.A. O novykh podkhodakh k otsenkam dvizhushchikh sil i sotsial'noy bazy basmacheskogo dvizheniya v Turkestane v 1918–1920 gg. [On new approaches to assessing the driving forces and social base of the Basmach movement in Turkestan in 1918–1920] // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: "Sotsial'no-gumanitarnyye nauki" [Bulletin of the South Ural State University. Series: "Social Sciences and Humanities"]. 2019. T. 19. № 1. S. 12–15. (In Russ.)

Barmin V.A. Sovetskii Soyuz i Sin'tsyan (Regional'nyy faktor vo vneshney politike Sovetskogo Soyuza) [Soviet Union and Xinjiang (Regional factor in the foreign policy of the Soviet Union)]. Barnaul, 1998. (In Russ.)

Barmin V.A. Ob osobennostyakh deyatelnosti razvedki belogvardeyskoy armii A.V. Kolchaka v Sin'tsyanе v 1919–1920 gg. [On the features of the intelligence activities of the White Guard army of A.V. Kolchak in Xinjiang in 1919–1920] // VIII Vostokovedcheskiye chteniya pamyati S.G. Livshitsa. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [VIII Oriental Readings in Memory of S.G. Livshits. Materials of the international scientific and practical conference]. Barnaul, 2020. S. 43–47. (In Russ.)

Blyakher L.Ye., Yarulin I.F. Kto takiye basmachi? Sovetskoye mifotvorchestvo i stigmatizatsiya Grazhdanskoй voyny v Sredney Azii [Who are the Basmach? Soviet mythmaking and stigmatization of the Civil War in Central Asia] // Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz [Politia: Analysis. Chronicle. Forecast]. 2016. № 2 (81). S. 109–123. (In Russ.)

Boyko V.S. Vlast' i oppozitsiya v Afganistane: osobennosti politicheskoy bor'by v 1919–1953 gg. [Power and opposition in Afghanistan: features of the political struggle in 1919–1953]. Moskva; Barnaul, 2010. (In Russ.)

Gankovskiy Yu. Enver-pasha sredi basmachey [Enver Pasha among the Basmach] // Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa today]. 1994. № 5. S. 59–61. (In Russ.)

Golinkov D.L. Krusheniye antisovetskogo podpol'ya v SSSR [The collapse of anti-Soviet underground in the USSR]. Moskva, 1975. (In Russ.)

Iz istorii grazhdanskoй voyny v SSSR. Dokumenty i materialy. Inostrannaya interventsia i grazhdanskaya voyna v Sredney Azii i Kazakhstane. T. 1. May 1918 – sentyabr' 1919 g. [From the history of the civil war in the USSR. Documents and materials. Foreign intervention and civil war in Central Asia and Kazakhstan: in 2 vol. T. 1. May 1918 – September 1919]. Alma-Ata, 1963. (In Russ.)

Lysenko Yu.A., Barmin V.A., Anisimova I.V. i dr. Etnopoliticheskiye protsessy v Tsentral'noaziatskikh okrainakh Rossii v period revolyutsiy 1917 g. [Ethnopolitical processes in the Central Asian outskirts of Russia during the revolutions of 1917]. Barnaul, 2017. (In Russ.)

M.V. Frunze na frontakh grazhdanskoй voyny: sbornik dokumentov [On the fronts of the civil war: Collection of documents]. Moskva, 1941. (In Russ.)

Naumova N.I. Organizatsiya otrядov zelenogo znameniy v Sibiri [Organization of Green Banner detachments in Siberia] // Sibir' v period Grazhdanskoй voyny. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Siberia during the Civil War. Materials of the international scientific conference]. Kemerovo, 2007. S. 107–110. (In Russ.)

Narbekov S.F., Norbekova R.U. Vooruzhennoye vosstaniye narodov Turkestana protiv sovetskogo rezhima, yego prichiny i posledstviya [Armed uprising of the peoples of Turkestan against the Soviet regime, its causes and consequences] // Aktual'nyye nauchnyye issledovaniya v sovremennom mire [Actual scientific research in the modern world]. 2017. № 1–4 (21). S. 34–40. (In Russ.)

Nazemteva Ye.N. Russkaya emigratsiya v Sin'tsyanе (1920–1930-ye gg.) [Russian emigration in Xinjiang (1920s–1930s)]. Barnaul, 2010. (In Russ.)

Pylev A.I. Ob ideologicheskikh techeniyakh basmacheskogo dvizheniya v Sr yedney Azii v nachal'nyy period (1918–1920 gg.) [On the ideological trends of the Basmach movement in Central Asia in the initial period (1918–1920)] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta [Bulletin of St. Petersburg University]. 2003. Ser. 2. Vyp. 2. № 10. S. 29–33. (In Russ.)

Radzhabov K.K. Vooruzhennoye dvizheniye protiv sovetskoy vlasti v Turkestane (1918–1935 gg.) [Armed movement against Soviet power in Turkestan (1918–1935)] // Yedinstvo. Grazhdanstvennost'. Patriotizm. Sbornik nauchnykh trudov k 100-letiyu Respubliki Bashkortostan [Unity. Citizenship. Patriotism. Collection of scientific papers dedicated to the 100th anniversary of the Republic of Bashkortostan]. Ufa, 2019. S. 27–31. (In Russ.)

Ravich N.A. Molodost' veka. [Youth of the century]. Moskva, 1960. (In Russ.)

Timashkov S. Razgrom yuzhnoy armii Kolchaka. Avgust–sentyabr' 1919 g. [Defeat of Kolchak's southern army. August–September 1919] // Voyenno-istoricheskii zhurnal [Military History Journal]. 1940. № 3. S. 33–56. (In Russ.)

Vert N. Istoriya sovetskogo gosudarstva. 1900–1991 [History of the Soviet state. 1900–1991]. Moskva, 1994. (In Russ.)

Zevelev A.I. Iz istorii Grazhdanskoй voyny v Uzbekistane [From the history of the Civil War in Uzbekistan]. Tashkent, 1959. (In Russ.)

Zevelev A.I., Polyakov Yu.A., Chugunov A.I. Basmachestvo: vznikoveniye, sushchnost', krakh [Basmachism: origin, essence, collapse]. Moskva, 1981. (In Russ.)

Xexter J.H. On historians: Reappraisals of the makers of modern history. Cambridge, 1979.